

КАК ХОДЯТ ДЕРЕВЬЯ

Рассказы русских писателей

В этой книге собраны рассказы русских писателей-классиков о природе, о жизни животных и растений.

СОДЕРЖАНИЕ

- Л. Толстой. Какая бывает роса на траве
- Л. Толстой. О муравьях
- Л. Толстой. Как волки учат своих детей
- Л. Толстой. На что нужны мыши
- К. Ушинский. Ласточка
- Л. Толстой. Старый тополь
- Л. Толстой. Как ходят деревья
- Л. Толстой. Русак
- С. Аксаков. Полевая клубника
- Л. Толстой. Яблони
- С. Аксаков. Грузди
- Л. Толстой. Черёмуха
- Л. Толстой. Солнце — тепло

Лев Толстой. КАКАЯ БЫВАЕТ РОСА НА ТРАВЕ

Когда в солнечное утро, летом, пойдёшь в лес, то на полях, в траве видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и жёлтыми, и красными, и синими. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на

солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвёшь листок с росинкой, то капелька скатится как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнёт мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Лев Толстой. О МУРАВЬЯХ

Один раз я пришла в кладовую достать варенья. Я взяла банку и увидела, что вся банка полна муравьями. Муравьи ползали и в середине, и сверху банки, и в самом варенье. Я вынула всех Муравьёв ложечкой, смела кругом с банки и поставила банку на верхнюю полку. На другой день, когда я пришла в кладовую, я увидела, что муравьи с полу приползли на верхнюю полку и опять заползли в варенье. Я взяла банку, опять очистила, обвязала верёвкой и привесила на гвоздик к потолку. Когда я уходила из кладовой, я посмотрела ещё раз на банку и увидела, что на ней остался один муравей, он скоро бегал кругом по банке. Я остановилась посмотреть, что он будет делать. Муравей побегал по стеклу, потом побежал по верёвке, которой была обвязана банка, потом вбежал на верёвочку, которой была привязана банка. Вбежал на потолок, с потолка побежал по стене вниз и на пол, где было много Муравьёв. Верно, муравей этот рассказал другим, по какой дороге он пришёл из банки, потому что сейчас же много Муравьёв пошли друг за другом по стене на потолок и по верёвочке в банку, по той же самой дороге, по которой пришёл муравей. Я сняла банку и поставила её в другое место.

К. Ушинский. КАК ВОЛКИ УЧАТ СВОИХ ДЕТЕЙ

Я шёл по дороге и сзади себя услышал крик. Кричал мальчик пастух. Он бежал полем и на кого-то показывал.

Я поглядел и увидел — по полю бегут два волка: один матёрый, другой молодой. Молодой нёс на спине зарезанного ягнёнка, а зубами держал его за ногу. Матёрый волк бежал позади.

Когда я увидел волков, я вместе с пастухом побежал за ними, и мы стали кричать. На наш крик прибежали мужики с собаками.

Как только старый волк увидел собак и народ, он подбежал к молодому, выхватил у него ягнёнка, перекинул себе на спину и оба волка побежали скорее и скрылись из глаз.

Тогда мальчик стал рассказывать, как было дело: из оврага выскочил большой волк, схватил ягнёнка, зарезал его и понёс.

Навстречу выбежал волчонок и бросился к ягнёнку. Старый отдал нести ягнёнка молодому волку, а сам налегке побежал возле.

Тогда когда пришла беда, старый оставил ученье и сам взял ягнёнка.

К. Ушинский. НА ЧТО НУЖНЫ МЫШИ

У меня был молодой сад. Весною я пошёл посмотреть свои яблони и увидел, что мыши кругом объели их корни, так что вокруг каждой яблони кора была съедена, как белое кольцо. Яблони были хорошие и свежие. На всех были цветковые почки. Все бы они цвели и дали бы плод, а теперь я знал, что они пропадут, потому что сок в деревьях ходит по коре, как в человеке кровь ходит по жилам. Мне живо жалко

было смотреть на мои яблони, и я пошёл домой, и рассказал деду своё горе, и как бы я побил всех мышей на свете, если бы моя сила была...

А дед сказал мне:

— Если бы твоя сила была побить мышей, то знаешь, кто бы тебя пришёл просить за них?

Я сказал:

— Некому просить за них, они никому не нужны.

А дед сказал:

— Первые пришли бы кошки и стали бы просить за мышей. Они сказали бы: «Если ты сожжёшь мышей, нам будет есть нечего». Потом пришли бы лисицы и тоже просили. Они сказали бы: «Без мышей нам надо будет красть кур и цыплят». После лисиц пришли бы тетерева и куропатки и тоже просили бы тебя не убивать мышей.

Я удивился: зачем куропаткам и тетеревам мышей, но дед сказал:

— Им мыши нужнее всего на свете. Они не едят их, но если ты мышей погубишь, лисицам будет есть нечего, они разорят куропачьи и тетеревиные гнёзда. Все мы на свете друг другу нужны.

К. Ушинский. ЛАСТОЧКА

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

— Не разоряй гнезда,—сказал мальчику отец.— Весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, весёлых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнёздышка. Работа закипела, ласточки таскали в носиках

глину и ил из ближнего ручья, и скоро гнёздышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то пёрышко, то стебелёк моха.

Прошло ещё несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остаётся в нём постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнёздышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперёд, как неутомимо добывали пищу своим деткам!..

Л. Толстой. СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

Пять лет наш сад был заброшен; я нанял работников с топорами и лопатами и сам стал работать с ними в саду. Мы вырубали и вырезывали сушь и дичь и лишние кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другие деревья — тополь и черёмуха. Тополь идёт от корней, и его нельзя вырыть, а в земле надо вырубать корни. За прудом стоял огромный в два обхвата тополь. Вокруг него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велел их рубить: мне хотелось, чтобы место было весёлое, — а главное, мне хотелось облегчить старый тополь, потому что я думал — все эти молодые деревья от него идут и из него тянут сок. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землёю их сочные корни, как потом вчетвером мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополёк. Он изо всех сил

держался и не хотел умирать. Я подумал: видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубил. Потом уже, когда было поздно, — я узнал, что не надо было уничтожать их.

Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот. Когда я рубил их, старый тополь уж умирал. Когда распустились листья, я увидал (он расходился на два сука), что один сук был голый; и в то же лето он засох. Он давно уже умирал и знал это, и передал свою жизнь в отростки.

От этого они так скоро разрослись, а я хотел его облегчить — и побил всех его детей.

Л. Толстой. КАК ХОДЯТ ДЕРЕВЬЯ

Раз мы вычищали на полубугре подле пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповника, лозины, тополя, потом пришла черёмуха. Росла она на самой дороге и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше десяти лет. А пять лет тому назад я знал, что сад был чищен. Я никак не мог понять, как могла тут вырасти такая старая черё-

муха. Мы срубили её и прошли дальше. Дальше, в другой чаще, росла другая такая же черёмуха, даже ещё потолще. Я осмотрел её корень и нашёл, что она росла под старой липой. Липа своими сучьями заглушила её, и черёмуха протянулась аршин' на пять прямым стеблем по земле; а когда выбралась на свет, подняла голову и стала цвести. Я срубил её в корне и подивился тому, как она была свежа и как гнил был корень. Когда я срубил её, мы с мужиками стали её оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли её сдвинуть: она как будто прилипла. Я сказал: «Посмотри, не зацепили ли где?»

Работник подлез под неё и закричал: «Да у ней другой корень, вот на дороге!» Я подошёл к нему и увидел, что это была правда.

Черёмуха, чтобы её не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий. Она почувала, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила. Тогда только я понял, как выросла та первая черёмуха на дороге. Она то же, верно, сделала, — но успела уже совсем отбросить старый корень, так что я не нашёл его.

Л. Толстой. РУСАК

Заяц-русак жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводит усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыгнул раз-другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звёзды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы прийти на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади, скрипели кресла в санях.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Из ртов и носов их шёл пар.

Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и

один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошёл к гумну. Собачонка от обоза увидела зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по сугробам; зайца держали сугробы, а собака на десятом прыжке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошёл к гумну. По дороге он, на зеленях, встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошёл дальше. На деревне было всё тихо, огни были потушены. Только слышался плач ребёнка в избе через стены да треск мороза в брёвнах изб. Заяц прошёл на гумно и там нашёл товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки, взобрался по крыше, занесённой снегом, на овин и через плетень пошёл назад к своему оврагу. На востоке светилась заря, звёзд стало меньше, и ещё гуще морозный пар подымался над землёю. В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумен, дети кричали и плакали. По дороге ещё больше шло обозов, и мужики громче разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошёл к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лёг задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

С. Аксаков. ПОЛЕВАЯ КЛУБНИКА

Давно уже поспела полевая клубника, лакомиться которою позволяли нам вдоволь. Мать сама была большая охотница до этих ягод...

Вместо прежних бесцельных прогулок мать стала ездить в поле по ягоды, предпочтительно на залежи. Это удовольствие было для меня

совершенно неизвестно и сначала очень мне нравилось, но скоро наскучило; все же окружающие меня, и мужчины и женщины, постоянно занимались этим делом очень горячо.

Мы ездили за клубникой целым домом, так что только повар Макей оставался в своей кухне, но и его отпускали после обеда, и он всегда возвращался уже к вечеру с огромным кузовом чудесной клубники. У всякого была своя посуда: у кого ведро, у кого лукошко, у кого бурак, у кого кузов.

Мать обыкновенно скоро утомлялась собиранием ягод и потому садилась на дроги, выезжала на дорогу и каталась по ней час и более, а потом заезжала за нами; сначала мать каталась одна или с отцом, но через несколько дней я стал проситься, чтоб она брала меня с собою, и потом я уже всегда ездил прогуливаться с нею.

У нас с сестрицей были прекрасные с крышечками берёстовые бурачки, испещрённые вытисненными на них узорами. Милая моя сестрица не умела брать ягод, то есть не умела различать спелую клубнику от неспелой. Я слышал, как её нянька Параша, всегда очень ласковая и добрая женщина, вытряхивая бурачок, говорила:

— Ну, барышня, опять набрала зеленухи!

И потом наполняла её бурачок ягодами из своего кузова.

По возвращении домой начиналась новая возня с ягодами: в тени от нашего домика рассыпали их на широкий чистый липовый лубок, самые крупные отбирали на варенье, потом для кушанья, потом для сушки; из остальных делали русские и татарские пастилы; русскими назывались пастилы толстые, сахарные или медовые, процеженные сквозь рединку, а татарскими — тонкие, как кожа, со всеми ягодными семечками, довольно кислые на вкус. Эти приготовления занимали меня сначала едва ли не более собирания ягод; но наконец и они мне наскучили.

Более всего любил я смотреть, как мать варила варенье в медных

блестящих тазах на тагане, под которым разводился огонь, — может быть, потому, что снимаемые с кипящего таза сахарные пенки большею частью отдавались нам с сестрицей; мы с ней обыкновенно сидели на земле, поджав под себя ноги, нетерпеливо ожидая, когда масса ягод и сахара начнёт вздуваться, пузыриться и покрываться беловатою пеленою.

Л. Толстой. ЯБЛОНИ

Я посадил двести молодых яблонь и три года весною и осенью окапывал их, а на зиму завёртывал соломой от зайцев. На четвёртый год, когда сошёл снег, я пошёл смотреть свои яблони. Они потолстели в зиму; кора на них была гляцеватая и налитая; сучки все были целы и на всех кончиках и на раз-вилках сидели круглые, как горошинки, цветочные почки. Кое-где уже лопнули распуколки и виднелись алые края цветочных листьев. Я знал, что все распуколки будут цветами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернул первую яблоню, я увидел, что внизу, над самою землёю, кора

яблони обгрызена кругом по самую древесину, как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню — и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолою и воском; но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики — и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двухсот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте, где расходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и поболели, но пошли. Остальные все пропали, только ниже

обгрызенных мест пошли отростки и то все дикие.

Кора у деревьев — те же жилы у человека: чрез жилы кровь ходит по человеку — и чрез кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цвет. Можно из дерева выдолбить всё нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива — и дерево будет жить; но если кора пропадёт, дерево пропало. Если человеку подрезать жилы, он умрёт, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и берёза засыхает, когда ребята продолбят лунку, чтобы пить сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали оттого, что мыши объели всю кору кругом, и соку уже не было хода из корней в сучья, листья и цвет.

С. Аксаков. ГРУЗДИ

Евсеич, тётушка и мой отец, от которого я не отставал ни на пядь, ходили по молодому лесу, неподалёку друг от друга. Тётушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала:

— Здесь непременно должны быть грузди, так и пахнет груздями, — и вдруг закричала: — Ах, я наступила на них!

Мы с отцом хотели подойти к ней, но она не допустила нас близко, говоря, что это её грузди, что она нашла их и что пусть мы ищем другой слой.

Я видел, как она стала на колени и, щупая руками землю под листьями папоротника, вынимала оттуда грузди и клала в свою корзинку.

Скоро и мы с отцом нашли гнездо груздей; мы также принялись ощупывать их руками и бережно вынимать из-под пелены

прошлогодних полусгнивших листьев, проросших всякими лесными травами и цветами.

Отец мой с жаром охотника занимался этим делом и особенно любовался молодыми груздями, говоря мне:

— Посмотри, Серёжа, какие маленькие груздоч-ки! Осторожно снимай их — они хрупки и ломки!

В самом деле, молоденькие груздочки были как-то очень милостивы и издавали острый запах. Наконец, побродив по лесу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назад, к тому месту, где оставили лошадей, а Евсеич принялся громко кричать:

Пора домой! Собирайтесь все к лошадям!

Мы воротились к самому чаю. Бабушка сидела на крыльце, и мы поставили перед ней наши корзинки и кузовья Евсеича и Матрёны, полные груздей.

Бабушка вообще очень любила грибы, а грузди в особенности; она любила кушать их жаренные в сметане, отварные в рассоле, а всего более солёные. Она долго, с детской радостью, разбирала грузди, откладывая маленькие к маленьким, средние к средним, а большие к большим.

Л. Толстой. ЧЕРЁМУХА

Одна черёмуха выросла на дорожке орешника и заглушала лещиновые кусты. Долго думал я — рубить или не рубить её; мне жаль было. Черёмуха эта росла не кустом, а деревом вершка три в отруб и сажени четыре в высоту, вся развилитая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом. Издалека слышен был её запах. Я бы и не срубил её, да один из работников (я ему прежде

сказал вырубить всю черёмуху) без меня начал рубить её. Когда я пришёл, уж он врубился в неё вершка на полтора, и сок так и хлюпал под топором, когда он попадал в прежнюю тяпку. «Нечего делать, видно, судьба», — подумал я, взяв сам топор и начал рубить вместе с мужиком.

Всякую работу весело работать, весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топор, и потом на-

прямик подсечь подкошенное, и дальше и дальше врубаться в дерево.

Я совсем забыл о черёмухе и только думал о том, как бы скорее свалить её. Когда я запыхался и положил топор, упёрся с мужиком в дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на нас закапало с него росой и посыпались белые, душистые лепестки цветов.

В то же время, точно вскрикнуло что-то, — хрустнуло в середине дерева; мы налегли, и, как будто заплакало, — затрещало в середине, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения и остановились.

«Эх! штука-то важная! — сказал мужик. Живо жалко!» А мне так было жалко, что я поскорее отошёл к другим рабочим.

Л. Толстой. СОЛНЦЕ — ТЕПЛО

Выдь зимой в тихий, морозный день в поле или в лес, и посмотри кругом себя, и послушай: везде кругом снег, реки замёрзли, сухие травки торчат из-под снега, деревья стоят голые, ничто не шевелится.

Посмотри летом: реки бегут, шумят; в каждой лужице лягушки кричат, бубулькают; птицы пере-лётывают, свистят, поют; мухи,

комары вьются, жужжат; деревья, травы растут, махаются.

Заморозь чугуна с водой, — он окаменеет. Поставь замороженный чугун на огонь: станет лёд трескаться, таять, пошевеливаться; станет вода качаться, пузырьки пускаться; потом, как станет кипеть, — загудит, закрутится. То же делается и на свете от тепла. Нет тепла — всё мертво; есть тепло — всё движется и живёт. Мало тепла — мало движения; больше тепла — больше движения; много тепла — много движения; очень много тепла — и очень много движения.

Откуда берётся тепло на свете? Тепло от солнца.

Ходит солнце низко зимой, стороною, не упирается лучами в землю, — и ничто не шевелится. Станет солнышко ходить выше над головами; станет светить в припор к земле, — отогреется всё на свете и начнёт шевелиться.

Станет снег осаживаться, станет отдувать лёд на реках, польётся вода с гор, поднимутся пары из воды в облака, пойдёт дождь. Кто всё это сделает? Солнце. Оттают семечки, выпустят ростки, зацепятся ростки за землю; из старых корней пойдут побеги, начнут расти деревья и травы. Кто это сделал? Солнце.

Встанут медведи, кроты; очнутся мухи, пчёлы, выведутся комары, выведутся рыбы из яиц на тепло. Кто всё это сделал? Солнце.

Разогреется в одном месте воздух, подыметя, а на его месте пойдёт воздух похолоднее, — станет ветер. Кто это сделал? Солнце.

Поднимутся облака, станут сходитья и расходиться, — ударит молния. Кто сделал этот огонь? Солнце.

Вырастут травы, хлеба, плоды, деревья; насытятся животные, напитаются люди, соберут корму и топлива на зиму; построят себе люди дома, построят чугуны, города. Кто всё это приготовил? Солнце.

Человек построил себе дом. Из чего он его сделал? Из брёвен. Брёвна вырублены из деревьев, деревья вырастило солнце.

Топится печка дровами. Кто вырастил дрова? Солнце.

Ест человек хлеб, картофель. Кто вырастил? Солнце. Ест человек мясо. Кто выкормил животных, птиц? Травы. А травы вырастило солнце.

Человек строит каменный дом из кирпича и извёстки. Кирпич и извёстка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Всё, что людям нужно, что идёт прямо на пользу, — всё это заготавливается солнцем, и во всё идёт много солнечного тепла. Потому и нужен всем хлеб, что его растило солнце и что в нём много солнечного тепла. Хлеб греет того, кто его ест.

Потому и нужны дрова и брёвна, что в них много тепла. Кто закупит дров на зиму, тот закупит солнечного тепла, и зимой, когда захочет, то и зажжёт дрова и выпустит тепло солнечное себе в горницу.

А когда есть тепло, то есть и движенье. Какое ни на есть движенье — всё от тепла, — либо прямо от солнечного тепла, либо от тепла того, которое заготовило солнце в угле, в дровах, в хлебе и в траве.

Лошади, быки возят, люди работают, что их двигает? Тепло. А откуда они взяли тепло? Из корма. А корм заготовило солнце.

Водяные и ветряные мельницы вертятся и мелют. Кто их двигает? Ветер и вода. А ветер кто гонит? Тепло. А воду кто гонит? Тепло же. Оно подняло воду парами вверх, и без этого вода не падала бы книзу. Машина работает, — её движет пар. А пар кто делает? Дрова. А в дровах тепло солнечное.

Из тепла делается движенье, а из движенья тепло. И тепло и движенье от солнца.